
Природоведение, музеи и война

Доклад на семинаре музейных работников в Историческом музее 7 июня 1943 г. Проверено: 6 марта 1948 года

Александр Федорович Котс

Не часто можно услышать три слова, столь же разнородные и столь же спорные в своей взаимной связи.

«Равнодушная Природа», «Тишина Музеев» и немолчный грохот яростной войны — возможно ли для этих трех понятий отыскать связующую нить?

Задача настоящего доклада дать конкретный положительный ответ на только что поставленный вопрос.

Нам предстоит взаимно увязать **три** основных вопроса, три понятия Природоведение, Музеи и Войну.

Начнем с последнего. Оно, конечно, всего менее нуждается в определении: жертвенно омытое кровью сердца не нуждается в словах.

Тем более запутаны и спорны два других понятия: Природа и Музеи, призванные возвещать о ней под знаком боевого времени, для ускорения победы над врагом.

И в самом деле. Людям, далеко стоящим от музейной жизни, позволительно спросить: «Но почему же именно музеи претендуют на особое к себе внимание в дни войны?»

Разве служение музам и Арею, богу-покровителю Войны, — одно и то же? Разве кисть, резец художника и мысль ученых забронированы от фашистских бомб и орудийных залпов? Разве роль палитры и пера не смолкли перед порохом и пулеметом?

Почему же именно музеям мы готовы приписать особое значение в дни величайших испытаний Родины? И разве нет других путей и форм культурного служения, более созвучных боевому времени, более действенных и более испытанных?

Достаточно напомнить о тех пламенных призывах, что не сходят со столбцов газет, о лозунгах, которые глядят со стен домов, звучат победно волнами эфира и еще незримее, еще реальнее — в сердцах миллионов русских патриотов.....

Не они ли, эти лозунги, эти призывы двигают моторы фабрик, истребителей и танков, не оно ли, это пламенное слово сочеталось неразрывно с пафосом огня и стали?

Но ведь, если так — то, что же остается для музеев? И способны ли музеи конкурировать с горячим словом зажигающей передовицы или яркого плаката?

Отвечая на вопрос, отметим следующие черты и признаки, присущие музеям, как орудиям и средствам массовой пропаганды.

Язык Музея есть язык не «сказа» но «показа».

Не в пример приемам книги или лекций с отвлеченным содержанием методика музеев — есть система **образного** претворения даваемого знания.

Это обычное, общеизвестное определение методики музеев требует — во избежание упрека в тривиальности — существенного пояснения.

Первая поправка. Говоря об «образах» музейного показа, разумеют «**зрительные**» образы, поскольку речевые образы присущи всякой устной речи, выходящей за пределы обывательских житейских реплик.

И теперь — второе.

Зрительные образы и восприятия не чужды, как известно, и другим путям и формам массового просвещения. Не говоря уже о сфере театрального искусства и кино, достаточно напомнить об афишах и плакатах, так внушительно и ярко отражающих великий гнев и грозный юмор, свойственные в этот судный час только великому народу.

И однако, есть существенная разница в использовании того же зрительного образа на сцене, на экране, на стенном плакате и в стенах Музея.

Мы имеем здесь ввиду одно глубоко-специфическое свойство всей музейной практики или методики.

Мы разумеем: **длительность, стабильность, постоянство** зрительных музейных образов.

Пусть эта длительность, как всякое людское творчество, только условное. Но по сравнению с другими формами или источниками массовой культуры, оно все же более устойчиво и постоянно.

Сказанное поясним примером.

Перед меткой рифмой Маршака и остротой штриха Ефимова бледнеют самые доходчивые экспозиции Музея.

И, однако, порождаемые требованием «Дня» эти штрихи и рифмы суть «зигзаги мысли», озаряющие только небольшой отрезок времени и исчезающие вместе с ним, давая место новым рифмам, новым блескам мысли и штриха.

Но тот же стих и штрих, подхваченный со стен домов или столбцов газет заботливой рукой музейного работника и помещенные в стенах музея, в недрах его фондов, превращаются в «музейный экспонат», или музейный материал, способные переживать века.

«Зарница мысли» волею музейца превращается в «Маяк», способный перекинуть свет грядущим поколениям, подобно свету отдаленных звезд, лучи которой достигают нас столетия спустя после того, как самая звезда погасла...

Такова одна из основных особенностей именно музейных образов, **их длительная консервация**, на положении подлинных правдивых документов и способность их быть превращенными в любой момент в «музейный аргумент» высокой агитационной силы.

Переходим к рассмотрению другого свойства, связанного с предыдущим.

Мы имеем здесь в виду последствия возможных промахов или ошибок в отношении таких стабильных образов и материалов.

В самом деле. Недосмотры в оформлении демонстрационных лекций, как бы ни были они порой досадны при самом показе или чтении — забудутся бесследно.

Те же промахи или ошибки при музейно-вещной экспозиции годами сохраняются а ставши в положении «музейных фондов» угрожают закрепиться в искаженном виде и на все последующие времена.

Отсюда несравненно большая ответственность в подборе, проработке, в оформлении музейных экспонатов по сравнению с таковыми демонстрационных лекций.

Сказанное поясним примером.

Многим вероятно памятна статья писателя Эренбурга под названием «Каштанка»: очерк, посвященный «боевой собаке» в дни Великой Отечественной Войны.

В ряде талантливо набросанных с натуры сценок мы знакомимся с собаками, выслеживающими вражьи «снайперов» («Кукушек»), вывозящими с поля боя тысячами раненых, переносящих боеприпасы и порою подрывающими даже вражьи танки.

Вся статья читается с живейшим интересом и, конечно, достигает своей цели: привлечения внимания к нашему четвероногому помощнику и другу в дни войны.

Для лектора или цитаты в книге, для прочтения эта статья исчерпывающа по содержанию.

Не то в глазах и по суждению музейца.

В самом деле. Попробуйте **образно** представить себе самую картину «подрывание собакой танка».

Я не говорю о подлинной механике самой аппаратуры, прикрепляемой к собаке и производящей взрыв. Устройство этого прибора вероятно «засекречено».

Но даже в самых общих, приблизительных чертах мы затрудняемся представить себе этот аппарат, а этим самым и картину этой встречи: вражеского танка с подрывающим его «барбосом».

Стоит лишь вообразить, что Вам поручено представить на картине эту встречу! Только приступая с кистью к этой теме и задаче Вы осознаете, как несовершенно представляли Вы себе эту трагическую встречу.

До тех пор, пока эта последняя изображалась лишь словами — трудностей не возникало и не чувствовалось: «Взрывает» и взрывает, очевидно помощью прибора, как-то прикрепленного к собаке. Но как именно, каким путем, к хвосту, или спине, или, быть может, к голове?

Все это несущественно в изображении пером и словом, но существенно необходимо для карандаша и кисти, при попытке закрепления интересующей нас сцены в зрительном и вещном образе.

На приведенном только что примере мы хотели пояснить простую истину: насколько знания, предъявляемые для писания рассказа и назначенные для прочтения **ниже** (в смысле их конкретности и тщательности) тех, которые необходимы для музейца и его задачи: зрительного а не только речевого образа, перевода его на положение **вещного** объекта или экспоната.

Случаев, подобных приведенному, можно представить бесконечно много. Но и приведенного достаточно для иллюстрации нашего тезиса о **качественной неравноценности литературно-речевого и музейно-экспозиционного приема изучения**.

Этот тезис можно сформулировать примерно следующим образом:

Знания, вполне достаточные для литературного и устного отображения, заведомо и совершенно недостаточны для претворения в стенах Музея в форме вещных экспонатов.

Но отсюда нормативный вывод для музейцев: Прилагать все силы, все умение к тому, чтобы улавливать, усваивать и закреплять такие **вещные** детали изучаемых событий, или фактов, для которых у газетных репортеров, журналистов, или чтецов, или рассказчиков нет действенного интереса.

Таково бесспорнейшее преимущество музейца перед литератором и теоретиком-ученым: оперирование с фактами, прошедшими через горнило **вещно**-зрительной проверки, подлинного **вещного** знакомства с излагаемым материалом.

Заручившись этими немногими и беглыми заметками музейно-методического свойства, возвратимся к нашей основной задаче:

«Каким образом связать в музейной экспозиции природоведение с нуждами Войны, с потребностями боевого времени?»

Нетрудно видеть, что как и во всяком начинании в сфере умственной культуры, так особенно в музейной практике, успешное решение данного вопроса может быть сводимо к четырем, более дробного характера, к вопросам: «Что?» — «Как?» — «Кому?» и «Для чего?»

Вопросы **содержания, потребителя, формы подачи и конечной цели**.

Начинаем с рассмотрения последнего.

Каким задачам, каким целям призвана служить эта увязка познания Природы и переживания Войны?

Эта увязка представляется в двояком виде: в направлении Военной **техники** и боевой **Идеологии**.

Помочь победе над врагом на фронте стали и огня, как и на фронте «боевых идей».

К которому из этих двух фронтов удастся нам активнее приблизиться — это зависит будет от того, какую отрасль Природоведения мы изберем в основу нашего анализа.

Разные области науки о Природе в разной степени участвуют в **активной** обороне Родины пороховыми залпами. Но все без исключения и в равной мере призваны служить при помощи идейных залпов.

Все науки, все без исключения соучаствуют в важнейшей миссии страны, и всей нашей культуры — насаждения **патриотизма**, укрепления любви и преданности к Родине.

Но если в понимании «**цели**» нет и быть не может никаких сомнений, то тем более сомнительно, **как именно конкретно добиваться** этой цели в экспозиции Музея на природоведческих объектах?

Будем помнить, что экспонатура каждого Музея массового типа представляет из себя соединение **Науки** и **Искусства**.

Но в Искусстве, — как когда-то говорил еще **Тургенев** — актуальнее вопроса «**Что?**» — решение вопроса «**Как?**».

Мы, музеологи, музейцы, не идем так далеко, но и для нас **форма** решения и **качество** показа столь же важны, как и содержание, в том смысле, что удачной формой можно скрасить даже недоходчивое содержание, как и наоборот, самые яркие идеи можно загубить бездарной, неудачной формой их отображения.

И, однако, разрешение вопроса «**Как?**» в музейной практике зависит от вопроса «**Для кого?**» «**Кому?**» «**Какому потребителю?**».

Итак, каков наш массовый господствующий потребитель, наш преобладающий «Музейный Зритель»?

Оставаясь, как и до сих пор, всецело в области Природоведения и соответствующих музеев мы едва ли ошибемся, заявив, что главным нашим посетителем была, и есть, и будет наша **молодежь**, учащиеся Средней Школы.

Так оно было **до** войны. Что же до влияния последней, то сказалось оно главным образом в снижении возраста нашего массового молодого зрителя.

Явление — слишком хорошо понятное.

В переживаемую пору, в дни Войны, учащиеся старших классов призваны к защите Родины: все помыслы, запросы этой части молодежи целиком направлены на фронт, и уходящим на войну, на поле ратных подвигов, сейчас не до музеев.

Таковы причины, вынуждающие нас, говоря о школьных посетителях наших музеев, ориентироваться на учащихся средних и младших классов, на детей и на подростков, выражаясь коротко: на «детвору».

Легко предвидеть возражение. Нам скажут: «Не снижается ли этим самый уровень даваемого знания?» Строить экспозицию, учитывая «детвору» — не значит ли сужать тематику и содержание Музея?

Все равно, как если бы мы обязали магазины с «ширпотребными товарами» учитывать лишь интересы школьных возрастов, махнув рукой на взрослых граждан и предоставляя им ходить босыми и раздетыми...

Но вряд ли нужно говорить, насколько эта аналогия искусственна и неуместна.

Тога мужа не сравнима с детской рубашкой. Но ведь вырасти из платья или обуви не то же самое, что «вырасти из умственного кругозора»!

Или мы не знаем взрослых по годам, «по паспорту», детей — по умственному уровню...

Но даже среди лиц с высокой умственной культурой много ли универсально ищущих, равно доступных и естественно-научным и гуманитарным знаниям?

Или мы не знаем подлинных ученых, знатоков своей ученой «вышки» и профанов за ее пределами? людей, несведующих в целом ряде знаний, для которых созданы в Москве особые музеи...

Но и обратно. Разве мы не знаем форм и методов подачи знаний, на которых сходятся запросы, увлечения и радость лиц, предельно разнящихся по образованию и возрасту?

Картины **Сурикова**, **Васнецова** разве не сближаются на них восторги лиц, которым вне Музея нечего сказать друг-другу?

Или взять одно из самых поразительных по совершенству освоений мировой культуры, — достижения нашего Советского кино!

На восхищении перед шедеврами картин, подобных фильмам «Петр I», или «Суворова», или «Хмельницкого» — разве не сходятся сезонники-рабочие и академики, юнцы и старцы?

Приведенные примеры — а число их можно беспредельно увеличить — лишь напоминают тривиальнейшую истину, что **увлекательность** формы можно примирить на **той** же теме интересы лиц, стоящих на противоположных концах культурного и жизненного опыта.

Нам скажут: «То — Искусство! Самой сущностью своей оно предполагает **увлекательность** путей и формы выявления идей художественным словом, кистью и экраном ...»

Мы ответим: В области музейной практики **Наука** соприкасается с **Искусством**.

Более того. В каждом музейце-практике-пропагандисте мы имеем основание искать задатки или устремления к тому, чтобы усвоить навыки или приемы области искусства и художества: немножко — Декоратора, немного — декламатора и всего прежде — данные психолога и педагога в творческом, высоком стиле этого призвания...

Известно, что в стремлении возможно более широкого охвата «потребителей» писатели-художники руководятся лозунгом: «Равняться по слабейшему! по подготовленному наименее!»

Равнение по молодому поколению! «Детство Никиты» А. Толстого и «Каштанка» Чехова способны одинаково увлечь и академика — и школьника, чего нельзя сказать, конечно, о других произведениях обоих авторов.

Мы повторяем: ярким и талантливым показом можно углубить и скрасить мнимую элементарность содержания и вся задача «музеолога-пропагандиста» как и всякого художника-писателя — найти такую общепримирающую форму.

Мы сказали: «Мнимую элементарность», предвосхитив этим возражения, столь же обычное, как и поверхностное, легковесное...

Нам скажут: «Низводить тематику и форму экспозиции до уровня „Детства Никиты“ и „Каштанки“ — это ли не упрощение проблематики...!»

Но примитивно — так ответим мы — не содержание и форма этих двух шедевров — но суждение тех критиков, которые за незатейливой элементарной фабулой рассказов не подметили бездонной глубины тематики обоих: абиссальной глубины проблемы формирования души ребенка и не менее бездонной — генезиса, сущности и содержания животной психики, две глубочайшие проблемы многотысячелетней давности, решение которых равнозначно было бы разгадке Космоса.

Вот почему мы, возвращаясь от литературных образов к музейской практике определенно заявляем:

Не страшитесь **занижать** познания Вашей аудитории, особенно, когда вопрос идет о темах «небытующего» типа, т.е. не встречающихся в повседневном жизненном «быту», в житейском практике.

Бойтесь обратного: **завысить** эрудицию музейных зрителей. По отношению к последним, массовому рядовому посетителю Музея, приложимо основное правило, которым пользуются в лекционной практике,

всецело следуя принципу знаменитого английского биолога-философа и дарвиниста **Гексли**, исходившего в своем преподавании из того предположения, что его слушатели-студенты «ничего не знают».

Соблюдение этого принципа облегчается нашей тематикой, ее ограничением наукой о **живой** природе.

Здесь уместно вспомнить об известном афоризме упомянутого только что ученого, **Томаса Гексли**, говорившего, что «Каждый факт Природы есть окно, через которое возможно увидеть Вселенную».

Но эти окна — так добавим мы — неодинаковы: одни — давно распахнутые настежь а другие плотно замураванные, лишь с трудом доступные раскрытию. И от людей, от нас зависит не ломиться всего прежде именно в последние...

Но если так, то где, какую часть «Природоведения» избрать нам центром нашего внимания? И чем руководиться в выборе объекта нашего конкретного анализа?

Нам скажут: Вашей специальностью! Той областью, в которой Вы осознаете себя «мастером», в которой протекает ваше творчество!

Да, разумеется, это условие — необходимое и выступать в XX-ом Веке в роли «вообще натуралиста» было бы настолько же уместно, как облечься париком XVII-ого Века.

Но представьте, что я был бы «Кристаллографом» специалистом по кристаллографии! В такой ли мере было бы оправдано мое теперешнее выступление?

Конечно, каждому ученому его наука кажется особенно заманчивой и увлекательной... «Каждый кулик свое болото хвалит.»

И однако, существуют объективные критерии и показатели «общедоступности» для разных областей Естествознания.

Мы разумеем разное их претворение в музейной практике.

Имеются на свете **тысячи** музеи **Зоологии**, лишь единичные музеи, посвященные Ботанике (пустующие..) и совсем не существует массовых музеев, посвященных популяризации... Кристаллографии..

Явление, конечно, не случайное, но отражающее разную пригодность разных отраслей науки о Природе для задачи массовой наглядной популяризации.

И в самом деле. Попробуйте изложить общедоступно-увлекательно основы Петрографии или Минералогии без знания Химии, и Физики.

При всем Вашем педагогическом таланте Вы едва ли преуспеете в подобном начинании, как нельзя читать без знания алфавита..

Совсем иному представляется наука о Животных, **Зоология**.

Чтобы усвоить основные факты, доводы и выводы этой науки нет нужды ни в знании Математики, ни Химии, ни физики а требуются лишь здоровые глаза, да непредвзятый ум, да доброе желание пользоваться ими.

Никакой предшествующей подготовки и особых предварительных познаний, а лишь интерес к предмету, только общее влечение к умственной культуре, к творчеству научных обобщений...

Более того, самые факты и явления животной жизни в такой мере любопытны сами по себе, включают столько поразительного или попросту занятного, что в состоянии привлечь внимание всех людей, причастных к умственной культуре.

Незаметным образом, логическим путем мы подошли к анализу последнего вопроса, к разрешению вопроса «**Что?**» решения того, какую именно науку мы намерены избрать объектом и орудием увязки музеев с требованиями войны и боевого тыла.

Избираем мы науку о животных, или **Зоологию**.

Каким же образом связать Науку о Животных с острыми потребностями боевого времени?

Как претворить для школьников в стенах музея связь Войны и Зоологии? Не представляется ли самая попытка сблизить эти два столь разные раздела человеческого опыта искусственной, — попыткой, более патриотической, чем актуальной, более похвальной по идеи, чем практически — осуществимой?

Это представление о «никчемности» науки о животных в дни Войны неверно и несправедливо: слишком тесно и активно-творчески соприкасается эта наука с самыми очередными жгучими вопросами, потребностями боевого времени.

Именно этой отрасли науки, **Зоологии**, принадлежит одно из первых мест в дни грозных испытаний и великих подвигов нашей великой Родины.

Всецело опуская шестиногих разносителей болезней — Малярии или тифа, подлежащих больше ведению врачей, чем собственно натуралистов, — здесь достаточно напомнить о четвероногих наших преданных помощниках в огне боев: о боевом коне, о боевой собаке, так блестяще оправдавшихся на поле битв и частью уже упомянутых в предшествующем изложении.

Это значение животных, как **прямых** помощников или орудий боя, я позволю себе пояснить немногими примерами, дающими хороший повод иллюстрировать изложенное выше о методике музейного показа.

Перед нами — несколько газетных вырезок, март 1942 года. «Красная Звезда» и «Правда». — Пара фотоснимков, закрепляющих две сценки боевого фронта: Вот — упряжка ездовых собак, перевозящих пулемет, вот — перевозка раненных на нартовых собаках.

Взятые, как таковые, как «газетный фото-репортаж», такие снимки — суть ценнейший фотодокумент, полный волнующего реализма. Именно в контексте содержания этих газет, как документ официальной нашей прессы, подтверждающей его правдивость, его подлинность. **И все же это — не «музейный экспонат!»**.

Начать с того, что оба снимка суть лишь фоторепродукции и лишены, как таковые той субстанциальной **вещной** ценности, которой обладает подлинность оригинала.

Но и самая техническая форма репродукции их такова, что поместить такие фоторепродукции в стенах музея нежелательно: оправданные в положении газетных иллюстраций эти «вырезки» не предназначены для стен Музея. Внешнее техническое оформление — не соответствует значительности содержания. Тусклота показа — яркости тематики.

Но те же два сюжета, «Перевозка Раненого» и «Доставка Пулемета» ездовыми Лайками, представленные в виде масляных картин, — становятся на положении музейных экспонатов в подлинном значении слова: самобытность, актуальность темы адекватно эффективной форме.

А теперь вообразите, что таким же образом нам удалось бы вещно — ярко претворить проиллюстрировать все прочие главнейшие виды использования боевых собак на фронте: ряд картин, рисующих наглядно, живо, динамически главнейшие виды и фазисы этой работы — от разискивания раненных, доставки боевых припасов до выслеживания вражеских «кукушек» и взрывания танков... Это ли не связь науки о животных и Войны!

И все же обязательным условием оправданности этой серии картин — их «грамотность» не только в отношении письма и композиции но и правдивости научной.

В свое время **Репин** мог себе позволить промах, написав на место «Ворона» — грача (картина: «с черным Вороном»). И Верещагину, и Васнецову было позволительно писать орлов и ястребов — со скверных чу-чел. Но не то в тематиках зоологического содержания.

Достаточно вообразить, что малоопытный художник плохо разбирается в отличиях волков и лаек (а смешать их несравненно легче, чем грача и ворона..) и вместо «ездовых собак» художник запряжет ...волков.

Отсюда вывод: доверять подобные картины только опытным анималистам.

Здесь уместно указать, как на основе разбираемой тематики нетрудно подчеркнуть и краеведческие элементы.

Оставаясь в рамках приведенного примера, именно использования собак породы «Лаек» можно указать на специфичное использование двух главных типов применения этих животных:

«Ездовые Лайки» — заменили свою мирную упряжку, «Нарты», — перевозкой раненых и пулеметов.

«Лайки промысловые», охотничьи, сменили свое мирное занятие выслеживание зверя (белки и медведя) на вылавливание «кукушек» — вражеских, фашистских снайперов, скрывающихся на ветвях деревьев.

А кавказские и крымские Овчарки, так блестяще оправдавшие себя в работе пограничников задолго до Войны, а в дни последнем на громадном протяжении от озера **Хасана** до лесов Полесья.

Но ведь сказанное о работе «боевой собаки» приложимо в высочайшей степени и к «боевым коням».

Достаточно напомнить о значении нашей конницы в этой войне, ее роль в разгроме немцев под Москвой, у Сталинграда, на Кубани, о значении колхозного коня на положении «партизанского»...

А самое разнообразие пород и типов наших лошадей, от маленькой лохматой и приземистой «Якутки» и до стройных, вычурных Ахал-Текинцев с их «газельим» складом и феноменальной выносливостью...

Достаточно напомнить о блестящем переходе «**Ашхабад- Москва**» осуществленном незадолго до Войны группой природных смелых конников-туркменов.

Более того. Пересекая рубежи родной страны и углубляясь в даль веков, какая благодарная задача показать, что по новейшим изысканиям наших ученых, лучшую породу лошадей, ахал-текинскую искать приходится на территории лишь нашей Родины: Это они, ахал-текинцы двигали когда то боевые колесницы ассирийцев и египтян и она же, именно ахал-текинская порода, не арабская, участвовала в созидании английской «Чистокровной».

Но ведь сказанное о коне отчасти приложило и к другим четвероногим спутникам нашей культуры, оказавшимся на положении преданных помощников на ратном поле и ближайших к нему подступах. Достаточно напомнить об участии в подвозе боевого снаряжения северных оленей Мурманского фронта и верблюдов — в южной и восточной полосе, отчасти нам работу буйволов кавказского района.

Пусть ничтожна эта роль в сравнении с работой тягачей, грузовиков и прочих средств моторизованной тяги.

Но во первых — самые просторы и многообразие почвенных условий нашей Родины доселе хорошо оправдывают применение живой животной силы там, где моторам временно приходится замолкнуть.

Хорошо известно изречение, проверенное боевой практикой: «Там, где моторы не пройдут, там лошади пройдут, где лошадь не пройдет — олень пройдет, там, где олени не пройдут — барбос пройдет!»

Пусть, повторяю, этот афоризм приложим лишь при особых, специфических условиях далекой тундры и песков пустыни..

Но ведь дело не в перечислении всех форм и способов использовании живой животной силы...

Самая попытка наша — увязать четвероногих спутников нашей культуры с нуждами Войны диктуется совсем другою целью: На основе столь присущего всем детям теплого, эмоционального влечения к животным — увязать эту любовь к животным с пафосом войны и боевой героикой.

Но еще более заметна и бесспорна роль науки о животных в области «**военной маскировки**».

Эта роль животных, как прообразов «военной маскировки» представляет исключительно большую ценность для музеев краеведческого типа и при том по следующим двум причинам:

- А. Возможности отобразить это явление и эту связь на **местном** материале, **местной** фауне и при том любого края и любой животной группы.
- В. Возможности отобразить конкретно-вещно эти любопытные закономерности и связи помощью простейших средств и самых незатейливых приемов вещного показа.

Не имея, к сожалению, возможности за недостатком времени коснуться ближе этой темы, нам придется ограничиться эскизным очерком по каждому из двух затронутых вопросов.

- А. Полная доступность иллюстрации явления защитной окраски местными музеями на местном материале, применяясь к разным зонам нашей необъятной Родины.

Допустим, что Вы уроженец Севера, или, что то же, Ваш Музей как краеведческий, всецело посвящен природе Севера.

С особенным вниманием Вы остановитесь на зимней защитной окраске многих северных животных.

Вот прильнувшая к земле и ее снежному покрову пара белых куропаток, вот — подобная комочку снега стройная фигурка Горностая, та — подобно сказочному призраку едва заметные фоне снега очертания тела Зайца-Беляка, прижавшегося к снеговому сугробам...

Царство льда и снега и как будто закрепившие их на себе самом четвероногие или пернатые аборигены, обитатели полярной тундры...

Или, обращаясь к обитателям Тайги, гористого сплошного леса. Вот — громадный лось, так изумительно скрывающийся в зарослях лесной чащи, вот — грузная фигура бурого Медведя, еле видная на фоне бурелома, вот — распластанная вдоль полуповаленного дерева и словно слившаяся с ним фигура выжидающей добычи Рыси или Россомахи....

Тот же лес в летнюю пору. Посмотрите на его пернатых обитателей: Там — темная фигура Козодоя, прикрывшегося вдоль сука и словно превращенного в гнилушку, здесь — Кулик лесной, «Вальдшнеп», прижавшийся к Земле и в мозаичном оперении своем — смешении черных, ржавчатых и палевых пестрин, не отличимый от нее, вон — целая плеяда птиц, синичек, пеночек и зеленушек, в оперении, созвучном зелени листвы....

Или, спускаясь к югу, к поясу степей: достаточно припомнить ее тусклые безжизненные летние просторы, чтобы тут же встали в памяти и блеклые тона бесчисленных их обитателей: джейранов, зайцев, корсачков-лисичек, жаворонков, куличков, тусклой окраской превосходно гармонирующих с цветом выжженной травы, полыни, ковыля...

Показывая всех этих животных до Войны мы их рассматривали в свете Зоологии, вреда и пользы для народного хозяйства, в свете Дарвинизма, Наркомпроса, Наркомзема, Наркомторга и Наркомвнешторга...

Но не то — теперь, после громово-грозной даты нашего вступления в Войну, когда все чувства, помыслы, когда вся воля нации сплотилась на защиту Родины, все наркоматы — вкруг наркома Оборона.

Те же самые примеры, те же факты и явления — подражания животными предметов окружающей среды, мы понимаем, мы показываем и толкуем не как зоологические лишь объекты, но как доводы Военной практики и боевого опыта.

Вы смотрите на группу **белоснежных** обитателей снегов, — зверей и птиц в стенах Музея, а перед глазами Вашими проносятся волнующие боевые образы: **белые** танки, **белые** автомобили, **белые** автоцистерны, **белые** халаты, облакающие наших героических защитников на занесенных снегом рубежах нашей великой обороны, на громадном протяжении от моря Белого до моря Черного и моря Желтого.

Вы смотрите на потонувшие в листве деревьев облики **зеленых** птиц а мысленно Вы сопереживаете совсем другие образы: на фоне **зелени** лесов и выжженной **зеленовато-серой** почвы степи тянется одетая в созвучные **зеленовато-серые** тона стена наших защитников, гремят **зеленые** орудия, грохочат на ходу **зеленые** броневики, **зеленые** автомашины, пыхают **зеленые** мотоциклетки

Вы смотрите на «**мозаику**» пера Вальдшнепа, притаившегося на опавшей, вялой, пестрой, мозаической листве, а передумственными взорами разворачивается мозаика иного рода: грозная **мозаика** причудливо гротескно зарисованных броневикулов и танков, **мозаично** зарисованные стены боевого тыла: стены фабрик и заводов, **мозаичные** разводы на стенах московского Кремля...

Глядите Вы на скромных **имитаторов** в животном мире, — птиц и бабочек, жучков и гусениц, похожих на кору и сучья, на стебли и листья а в воображении Вашем возникают образы и сцены **имитации** иного рода, полные трагического пафоса и боевого романтизма: **имитации** садов и скверов на бетонизированных трассах, **имитации** подобия деревьев на стенах заводов и на крышах зданий, **имитации** — при помощи фанер и красок- скромных обывательских жилищ на месте грандиозных зданий, прикрывание ветвями кузовов автомобилей, полевых орудий, шлемов наших снайперов, поверхность тела наших боевых собак...

Как бы в стремлении наверстать упущенное время (хорошо известно, что в военной практике приемы маскировки введены лишь на пороге настоящего столетия..) военная наука только на глазах у нас предельно широко использовала «маскировку у животных» для задач и целей боевого дела...

Только на глазах у нас военное искусство совершенным образом усвоило принципы, правила, приемы и уловки, помощью которых с незапамятных времен Природа регулировала жизнь животных в их исконной жизненной борьбе...

Но если применение «животной маскировки» для задач «военной маскировки» столь недавней даты (восходя назад за несколько десятилетий) то в музейной практике использование этой любопытной аналогии донныне лишь едва затронуто, и это не смотря на свойственную ей большую воспитательную силу, и педагогическую роль.

Эту последнюю мы можем выразить афористично следующим образом:

До героично-грозной даты нашего вступления в Войну, мы, говоря о «Защитной Окраске» у животных излагали ее в свете эволюционного учения, сознавая себя **дарвинистами**.

Сейчас мы ту же маскировку у животных проэцируем на нужды **Красной Армии** и боевого тыла, чувствуя себя **патриотами**.

В. Переходим ко второй проблеме — ко второму преимуществу или достоинству забытой аналогии Животной и Военной Маскировки, как тематике музейной экспозиции.

Можно уверенно сказать, что вряд ли есть другая область Зоологии и вообще Природоведения, в которой сцены, образы, доступные любому возрасту, возможно так легко и просто увязать с вопросами Войны, защиты Родины и боевого пафоса.

От самых скромных небольших и самодельных зарисовок, «аппликаций» и таблиц, доступных по изготовлению «дошкольнику» до подлинных произведений полноценного искусства, красочных картин больших художников- анималистов, закрепляющих оригинальный опыт, аутопсические наблюдения в новаторском аспекте — мыслимы, вообразимы все градации в приемах оформления этой тематики.

От скромных ящичков или коробочек со школьными коллекциями насекомых, сгруппированных на соответственно подобранном субстрате до сложнейших и естественных инсценировок уголков природного ландшафта с размещенными на них животными возможны самые различные ступени выявления творчества и личной инициативы.

Простота, понятность темы делает ее доступной самой юной аудитории, и — что важнее — позволяет привлечение ее к активной творческой работе по подбору или оформлению материалов в школе и музее.

И, конечно, нет такого захохотства и той скудости учебно-вспомогательных орудий или средств, которые бы помешали разработке этой темы: увязать закономерности Природы и приемы техники, поставленной на службу боевого дела: ускорения победы над врагом.

Мы подошли к концу нашей беседы и теперь уместно подвести ее ближайшие итоги.

Эти выводы рисуются в двойном виде:

А. В Области музейной практики, методики показа.

В. По вопросу о реальной ее ценности, реальной пользы в деле боевого опыта.

По первому вопросу можно ограничиться лишь кратким обобщающим итогом.

Здесь достаточно напомнить, как при соблюдении ряда основных приемов, обязательных для экспозиции музеев массового типа, именно

a. предельно вещной образности, обстоятельности, общеувлекательности и

b. при упоре на совсем неподготовленного зрителя при максимальной четкости показа, -

можно увязать простейшие явления животной жизни с самыми очередными жгучими запросами войны и боевого времени.

В известном смысле все эти вопросы лишь музейной техники.

Мы видели, как обе основные темы, именно:

«**Наши Домашние Животные в их роли, как прямых помощников или Орудий Боя**» и вторая тема:
«**Маскировка у Животных и ее значение для Военной Маскировки**»

позволяют без особого труда, в предельно яркой форме разрешить важнейшую задачу каждого музейца-патриота:

Выразить в музейных образах для Массового посетителя взаимодействие наук Военных и науки о Животных.

Увязать взаимно практиков-натуралистов с практиками боевого опыта.

Более дискуссионным представляется второй вопрос: Чего достигнем мы этим показом этой связи и каков ее реальный «коэффициент полезности» для посетителей Музея а тем самым для победы Родины?

Каков практический эффект подобной связи Зоологии с проблемами Войны под сводами Музея?

Отразится ли на ходе предстоящих исторических боев наша музейная экспонатура в смысле улучшения приемов применения «боевой собаки», «боевых коней» или «военной маскировки»?

Отвечать на все эти вопросы можно только **отрицательно**.

И в самом деле. Как бы совершенно и доходчиво ни отражались в наших экспозициях явления Маскировки и Военного Собаководства, наша Армия, наши бойцы будут успешно пользоваться ими на полях сражения, опираясь всего прежде на свой личный опыт, претворивший и дополнивший научный опыт соответствующих институтов: Психологии и Психотехники, Физиологии, Служебного Собаководства...

Но допустим даже, что Вам удалось внести новаторские улучшения в приемы маскировки или дрессировки боевых четвероногих наших спутников.

Как патриоты Вы воздержитесь, конечно, от их обнародывания в стенах музеев, как не делается это в отношении других открытий в области военной техники, при изобретении новых средств орудий боя и победы.

Разрабатывать **практически** методику военной маскировки или применения животных на Войне — не есть прямая и ближайшая задача краеведческих музеев, их научной и культмассовой работы.

Наконец, и самый возраст большинства Ваших музейных посетителей — учащихся-подростков, не сулит особой актуальности **технического** применения ими знаний разбираемого типа.

Подлинное массовое оправдание последних при подаче их в музеях массового типа следует искать не в мире **Техники**, но в мире **Этики**: этического воспитания нашей молодежи.

Пусть рассматривая за витринами Музея «притворяшек-бабочек» или жучков, зверков и птичек, — маскировщиц, — наши дети лишней раз услышат о героической обороне Родины.

Пусть глядя на картины, закрепляющие боевые подвиги наших четвероногих спутников культуры наши дети лишней раз почувствуют себя охваченными пафосом переживаемой эпохи.

Осознать героику великих ратных подвигов умом и сердцем молодого поколения, чтобы переключить ее на поле мирного труда!

И вот, в способствовании этой миссии роль Зоологии, науки о животных, и музеев, призванных отобразить ее под знаком боевого времени, реально — действенна и методически — незаменима: роль насадителей **патриотизм**, — пламенной любви к нашей великой Родине и веры в ее светлое грядущее.

На этом лозунге позвольте мне закончить мой доклад сказавши на прощании с Вами лишь немного слов.

Еще немного дней и, может быть, часов, и мы расстанемся. Одни из Вас разъедутся, вернуться на свои места, я и мои столичные товарищи, останемся у сердца Родины.

Но разобщенные пространственно, мы будем чувствовать себя едиными, как верные хранители доверенных нам вещных ценностей, их честные истолкователи для широчайших масс.

Едиными мы будем чувствовать себя, как воспитатели нашей чудесной молодежи и едиными, как дочери и как сыны великого Народа-Победителя!